

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Из этого рейда
вернутся не все...

РАЗВЕДКА

41 ГО

МОРОЗНЫЙ ВЕТЕР АТАКИ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников
Морозный ветер атаки

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Морозный ветер атаки / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-118291-5

Ноябрь 1941 года. Враг наступает, Красная армия из последних сил сдерживает натиск вермахта у самых стен Москвы. В числе защитников города – взвод фронтальной разведки лейтенанта Глеба Шубина. Им приказано проникнуть в расположение противника и выяснить, где сосредоточены танковые колонны немцев. Разведчики выполняют задачу, но на обратном пути неожиданно узнают, что все обнаруженные ими приготовления фашистов – хитрая уловка. Главный удар по нашим позициям будет нанесен совсем не там, где его ожидают. Чтобы сообщить об этом командованию, у Шубина есть всего несколько часов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118291-5

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Морозный ветер атаки

Глава первая

Деревня Вишняковка утонула в сугробах. Снег лежал везде: он завалил дома и огороды, соседние перелески и островки кустарника. Складки местности практически не просматривались. Околица деревни превратилась в неодолимый снежный вал.

Группа лейтенанта Шубина разделилась, ползли по одному, собрались только у крайнего участка. Домовладение было заброшено, изба сгорела. Словно покалеченная зенитка – дулом в небо, торчал обугленный дымоход. Пожар случился не вчера, запах гари давно развеялся.

В глубине деревни лениво тьякала собака. Ночь еще не кончилась. Мороз пощипывал щеки, их постоянно растирали шерстяными рукавицами.

– Деревня не маленькая, товарищ лейтенант, – отчитался сержант Лазаренко – крупный, но подвижный малый, отправившийся на фронт напрямик из рядов московской милиции, – дворов тридцать или даже больше. Население – в наличии, но все попрятались в избах. Дымок кое-где курится. Дорогу с запада немного расчистили – значит, немцев ждут. Вы уверены, что это единственная дорога, товарищ лейтенант?

– Уверен, сержант. На семь верст в округе нет других дорог. Сплошь леса и... непонятно что. Дорога из Бутова в Вишняковку – единственная артерия, по которой могут подойти немцы.

– Местность в низине, товарищ лейтенант, – напомнил красноармеец Левашов, немногословный, головастый. – Тут снег до лета не растает. Немцам на бульдозерах пробиваться придется.

– Если надо, пробьются, – отрезал Глеб. – Подобные картины мы уже наблюдали. А нет бульдозеров – местное население организуют. Лопаты в деревнях еще не кончились. Вишняковку надо осмотреть.

Находиться в неподвижной позе было невыносимо. Даже в валенках и теплой одежде хотелось постоянно двигаться. Немцам в этом плане было еще хуже. На долгую войну командование вермахта не рассчитывало. В войсках отсутствовало необходимое обмундирование. Солдаты не были обучены действовать в зимних условиях. Но вражеское наступление продолжалось, и над Москвой нависла угроза.

Красная армия была уже не та, что полгода назад. В войска поступало теплое обмундирование, шире использовалось автоматическое оружие. Утепленные маскхалаты в разведывательных подразделениях уже не были диковинкой. Разведчики сливались со снегом. Капюшоны надвинули на ушанки, затянули резинками. Каждый человек как капуста с кучей одежек. Мешали лыжи, но как без них в этом снежном царстве? Лыжи были короткие, широкие, как снегоступы, с примитивными креплениями. Их приторачивали к вещмешкам параллельно земле, чтобы не стучали по ногам во время ходьбы.

Бойцы зарылись в снег, ждали приказа. Восемь невнятных бугорков, размытые лица. У всех – автоматы «ППШ», гранаты, ножи и даже глушитель братьев Митиных, крепящийся к стволу «нагана», – один на всю группу. Рацию не брали – лишняя обуза, до своего расположения десять верст – не такой уж крюк.

Глеб прислушался. Собака перестала тьякать, послышались невнятные голоса: в морозном воздухе звук распространялся, как по воде, ясно и далеко. Немцы в темное время суток наступать не любили – разводили костры, жгли солярку и грелись. Если встречались деревни с целыми избами, набивались в них, как селедки в бочку, и до утра – никакой войны. Зима 41-го года выдалась для них, мягко говоря, негостеприимной.

– Лазаренко, веди свою группу северной околицей. Мы пойдем южной, встречаемся у центральной избы. Да не шуметь там, не нравится мне что-то здесь...

Нога еще побаливала: повредил три недели назад, когда освобождали генерала Беспалова. Идти пешком – еще ничего, но во время бега конечность начинала ныть, напоминая о том печальном дне, когда из группы выжили только трое. За три недели утекло много воды, война разбросала людей, Шубин оказался во 2-й Московской дивизии, прикрывающей северо-западное направление. Контингент был пестрый, дивизия на восемьдесят процентов состояла из ополченцев. И это стало нешуточной проблемой. Даже лучшие из этого необученного болота – все равно ополченцы!

Он полз по снегу, экономя дыхание. Деревня лежала в низине, под снежным саваном. Небо в этот год было щедро на осадки. Формально зима еще не началась, на дворе 21 ноября, но снега выпало – больше уже и не надо. Он был рыхлый и тяжелый, скатывался в комки – увы, не тот снег, по которому скользишь, как на санках.

Избы сгрудились, их окружали голые деревья. Немцы в деревню не входили – их Шубин почувствовал бы за версту. Разведчики ползли следом: красноармейцы Левашов и Вербин, ефрейтор Гончар. Первые двое – ополченцы, но способные; первый всю осень служил в подразделении гражданской обороны, тушил пожары, сбрасывал зажигалки с московских крыш. Случались стычки с вражескими корректировщиками. Борис Вербин – студент консерватории по классу рояля, но не изнеженный интеллигент. Хотя в семье все было как положено: папа – декан, мама – директор балетной школы. Жизнь Бориса определялась не только музыкой, он занимался боксом, лыжами, бегал кроссы. Ефрейтор Гончар – темноволосый, постоянно бледный – воевал в кадровых частях с середины лета. Оттого, видать, и бледный – насмотрелся такого, что людям видеть не положено...

Группа Лазаренко ушла во мрак. В ней было три человека, помимо сержанта: Гулыгин, Карабаш и Лапштарь. И та же история – только двое, Лазаренко и Гулыгин, были кадровыми военными.

Через плетень проползли, как через порожек – он едва выступал над снежным покровом. Дальше шли на четвереньках. Наделы сельчан не везде смыкались – обозначился проход между скособоченными оградами. Ноги тонули в снегу, шли медленно. Эта часть деревни казалась вымершей, чернели просевшие в землю строения. Снег нависал над стрехами, придавливал крыши. Пахло дымком. Где-то в стороне разговаривали люди. Чужаки в деревню пока не прибыли.

Шубин первым выбрался к дороге, присел за скособоченной трансформаторной будкой – яркой приметой гибнущей цивилизации. Обозначилась деревенская улица, она же единственная артерия, связывающая несколько населенных пунктов. В пределах деревни дорогу почистили. Она убежала на запад – взбиралась на покатый холм, терялась в еловом лесу. На восток еще не прочистили – руки не дошли. Лазаренко был прав: не для себя старались.

Глеб присел за будкой, осмотрелся. В спину дышал Гончар, обходился без комментариев. Дорога была сравнительно широкой. Привести такую в порядок – и можно всю армию провести. Вдоль заборов высились рукотворные сугробы. Шубин бросил через плечо: всем оставаться на месте, не отвечивать. Разведчики послушно отступили в переулок, отполз Гончар.

На другой стороне что-то происходило. Глухо смеялась женщина, потом захлопнулась дверь, и смех затих. Наперебой заговорили мужчины, потом тоже замолчали. Проплыла над оградой шапка-ушанка, скрипнула дверь сарая. Справа на дороге появились двое, двигались на запад. Коренастые мужики в телогрейках – они прошли мимо, негромко переговариваясь, зашли в калитку. На крыльце обстучали ноги, заскрипела дверь.

– Петрович, когда ты ее смажешь? – проворчал недовольный голос.

Изда была вместительной. Она смотрелась опрятно, в отличие от соседних. Дорожку к крыльцу недавно прочистили, как и скаты крыши. На крыльце мерцал огонек папиросы. Люди

на морозе долго не курили, несколько затяжек и – обратно в дом. Потом из избы вышла женщина, быстро просеменила по дорожке, отперла калитку и побежала по деревне. Стало тихо, только из избы проистекал монотонный гул.

– Товарищ лейтенант, скоро немцы появятся, на Клин пойдут, – забормотал в спину Гончар. – Местные предатели их ждут, хлебом-солью встречать собираются. Не сожгли наши эту деревню, недоглядели...

Увы, не в каждом населенном пункте оккупантов встречали как должно – огнем из берданок, злобой и презрением. Недовольных советскими порядками скопилось предостаточно. Одни ненавидели большевистскую власть, подарившую народу колхозы, другие тряслись за свою жизнь. Откуда взялись все эти люди, еще вчера – законопослушные, преданные революции граждане?

Масла в огонь подлил приказ Ставки ВГК № 428 четырехдневной давности. Документ предписывал лишать германскую армию возможности останавливаться в селах, выгонять захватчиков на холод в чистое поле, выкуривать из теплых помещений и убежищ. С этой целью в немецкий тыл забрасывались диверсионные группы – разрушать и сжигать дотла населенные пункты, пригодные для постоя немецкой армии.

Напротив выделялся такой же переулок, в нем обозначились смутные фигуры – сержант Лазаренко и его часть группы. Разведчики залегли, лишь один силуэт колебался в морозном воздухе. Глеб оторвался от будки, показал на избу. Наблюдатель отозвался условным знаком: понял вас.

Несколько человек перебежали дорогу, присели под оградой, слились с сугробами. С другой стороны перебрались бойцы Лазаренко, разбежались по задворкам. Глеб отомкнул калитку и побежал, пригнувшись, к крыльцу.

– Вербин, за мной, остальным рассредоточиться...

У крыльца уже сидел на корточках сержант Лазаренко. За его спиной маячил кто-то еще – кажется, Гулыгин, вечно мрачный, язвительный, потерявший в Можайске всю семью, включая двух несовершеннолетних детей.

– Товарищ лейтенант, в избе местные мужики в количестве трех-четырёх человек, – прошептал сержант. – Баба была, но ушла. У них настроение праздничное, с чего бы? Смеются, шутят, матом кроют. Это не партизаны. Хотите дорогу у них спросить? Так я и сам могу показать...

– Помолчи, Лазаренко. Людей распределил?

– Так точно, товарищ лейтенант.

– Кто там за тобой? Гулыгин? Пошли в дом, остальные пусть держат ухо востро. Поговорим с сельчанами, посмотрим, чем они тут дышат...

Бойцы затаились в огороде – визуально и не поймешь, что это люди. Небо покрывалось серостью. Рассвет в это время года – дело затяжное, муторное. Жизнь, казалось, теплилась лишь в одной избе. Остальная деревня помалкивала.

Глеб поднялся на крыльцо. Дверь, обитая войлоком, была не заперта. Шубин осторожно подал ее вверх, чтобы не скрипнула, приоткрыл. Четверо бойцов проникли внутрь. В сенях ступали мягко, чтобы не задеть развешанный инвентарь, составленные друг в друга баки и тапки. На гвозде висели березовые веники – видимо, в доме любили попариться. За дверью в горницу высилась большая русская печь, беленная известью. Электричество отсутствовало, горела керосинка. От печи исходило тепло – вовсе не повод расслабиться.

Шубин повернулся, сделал знак: на месте! Разведчики остановились. В горнице приглушенно беседовали люди.

– Слышь, Сергеич, – сипло бубнил один мужик, – поднимай народ, хватит дрыхнуть. Скоро немцы подъедут – встречать пойдём. Матрене я уже сказал, чтобы стол ломился – баба вроде правильная, все сделает, даст шумок, чтобы тащили свои заначки. Мы теперь тут власть,

мужики, и надо вести себя грамотно, чтобы немчура другую не назначила, а нас к стенке не поставила. Кто их знает, что у них на уме, у этих добродетелей. Но без нашей помощи они не справятся – должны понимать...

– Петрович, а ничего, что ты при большевиках председателем сельсовета был? – ухмыльнулся собеседник. – Тебя и поставят первым к стенке, а?

– А сам-то? Зоотехник хренов, в сельсовете народным избранником заседал – не чешется под лопаткой? Я месяц обязанности исполнял, а ты, считай, год штаны протирал, надои с обмолотами подсчитывал... Мы с тобой в партии не состояли, от парткома держались подальше, а нашего главного партийца Барыкина я бы первым кончил, кабы он не утек... Не нашли его, кстати?

– Нет его нигде, Петрович, всю деревню обошли. Ноги сделал, большевик проклятый.

– Ну, ничего, найдем. Так что помолчи, Сергеич. Немцы появятся на рассвете, чуйка у меня. Они дальше пойдут, на Клин, а мы здесь останемся и всех наших колхозников к ногтю прижмем. Припомним, кто тут в Красной армии служил, кто в партизаны идти агитировал, засады на немецкие колонны учинять... А пока буди, кто там еще не встал – лопаты в зубы, пусть дорогу дальше чистят. Там сугробы по шею, как немцы проедут? А им на Клин надо, на Солнечногорск. А через день-другой и Белокаменную возьмут... Толкни своего шурина, закемарил он чего-то, пока мы с тобой государственные вопросы решаем.

– Ага, Петрович, мигом сделаем. Эй, Санек, вставай, чего тебя развезло? – последовал звук оплеухи. Мужики смеялись, сновидец матерно выражался.

Немая сцена удалась. Шубин вышел из-за печки в круг света. Все трое опешили, грузный сельчанин с одутловатым лицом схватился за берданку, но замялся, не решаясь вскинуть. Двое сидели за столом, один зевал, очумело вращая глазами. Грузный мгновение назад сидел на подоконнике, а теперь мялся посреди горницы, напрягая глаза. Силуэт прищельца выделялся нечетко. Не угадаешь, кто такой – автомат за плечом, облачен во все белое, капюшон натянут почти на глаза. Проснувшийся мужик закашлялся, схватился за горло.

– Доброй ночи, господа! – каркнул по-немецки Глеб. Все понятно, но требовалось подтверждение. – Германская армия приветствует жителей освобожденной России!

Что-то другое в голову не пришло, но они и этого не поняли. Петрович вытянулся в струнку, задрал голову. В армии он служил, но очень давно. И неизвестно еще, в чьей армии! Остальные выскочили из-за стола. Коренастый Сергеич неумело выбросил руку в фашистском приветствии, едва не врезав шурину по челюсти. У всех троих заблестели глаза. Там было все, что положено: робость, страх, предвкушение!

– Рады вас приветствовать, господин офицер... – забормотал Петрович, – милости просим, как говорится, на нашу гостеприимную землю. Мы представители местной гражданской власти, прогнали большевиков, вот вас ждем... Готовы служить Великой Германии, уничтожить большевистскую заразу...

– Ладно, кончаем цирк, – перебил Глеб. – Разведка 2-й Московской стрелковой дивизии, с чем вас, господа, и поздравляем.

На несостоявшихся предателей было жалко смотреть. Петрович дернулся, сделал попытку вскинуть берданку, но выступил вперед Гулыгин, двинул прикладом в челюсть. Петрович схватился за разбитую кость, отпрянул к подоконнику, берданка уплыла в чужие руки. Остальные испуганно закричали, шурин перевернул табуретку. Глеб схватил его за шиворот, хорошенько встряхнул и вложил всю мощь народного гнева в последующий удар. Шурин, падая, опрокинул стол, Глеб поморщился – что же ты так грохочешь, гражданин. Сергеич попятился к окну, чтобы выбить задом стекло. Лазаренко и Вербин бросились одновременно, схватили его за локти, Лазаренко не сдержался, двинул предателя в висок, и Сергеич распостерся на треснувшей столешнице.

Выслушивать исповеди не было резона. Глеб переглянулся с Гулыгиным, тот понял без слов – кадровый военный, два месяца в разведке, правда, служил под началом других (геройски погибших). В руке мелькнул старенький «наган» с накрученным глушителем. Завизжал шурина Сергеича, стал вертеться, но получил пулю в грудь и упокоился с миром. Сам Сергеич прожил чуть дольше, успел рухнуть на колени и открыть рот. Пуля пробила черепную кость.

– Третьего не трогай, успеем, – опомнился Глеб.

Гулыгин пожал плечами, опустил «наган», но далеко убирать не стал.

– Нет-нет, не стреляйте... – пустил слюни Петрович. – Вы нас не поняли, товарищи... Мы вовсе не ждем фашистов, мы будем с ними сражаться до последней капли крови – за нашу Советскую Родину, за товарища Ста...

– Заткнись! – процедил Глеб, предатель осекся на половине святого для каждого советского человека слова. – Кого ты уговаривать собрался? Мы все поняли. Сочувствуем, но своих благодетелей ты уже не дождешься.

– Не стреляйте, пожалуйста, – снова захрипел Петрович, – Христом-богом прошу, жизнью деток своих маленьких...

– Вот гад, про деток вспомнил, – сплюнул Гулыгин. – Товарищ лейтенант, вы уж разберитесь с ним, да кончать упыря надо. А то зажился он на этом свете.

Разговор не затянулся. Петрович ползал по полу, умолял дать ему шанс искупить вину. Его неправильно поняли! Он не собирался предавать Отчизну, хотел лишь втереться в доверие к немцам и начать священную партизанскую войну на захваченной территории!

Попутно Петрович давал ответы на вопросы. Население деревни – порядка семидесяти душ. Уехали человек двадцать, остальные остались, не поверив сказкам о зверствах фашистов. Бабы, старики, маленькие детки – большинству из них просто некуда идти. Мужиков дееспособного возраста – человек восемь. «Кружок активистов», которым поперек горла встала советская власть – это он, эти двое и еще Генка Харитонов, механизатор МТС, но хрен знает, где его носит. Решили до прихода немцев прибрать власть в деревне, да вот жалко – парторга не смогли взять, побег, зараза, вместе с женой и отпрыском. Хотели встретить немцев по-людски, показать, что русские люди всячески рады слиянию с Великой Германией... Подобные выкладки Петрович, разумеется, не выдавал, но додумать было нетрудно.

– Признавайся, откуда сведения, что немцы должны прийти?

– Так это... А как же еще? – бормотал Петрович. – Они же к Москве рвутся, супостаты проклятые, отродье басурманское... Обязательно придут, тут ведь одна дорога... Тишка Митрохин, сынок Матрены, вечером на хутор Собачий к бабке бегал, так на обратной дороге немцев засек... На мотоциклах они были – разезд или разведка, не знаю... По лесу катались, дорожку протаптывали да по сторонам смотрели... К Глазову поехали, но там нет дороги – тупик, значит, вернутся и в нашу сторону двинут...

Это было похоже на правду. Немцы могли нагрянуть в любую минуту. Заваленная снегом дорога на восток их задержит ненадолго. Она не единственная, что ведет в Клин, но, по крайней мере, самая короткая. А читать советские топографические карты немецкие стратеги научились. И метод тыка тоже освоили. Клин фактически беззащитен, крохотный гарнизон и часа не продержится...

Глеб выразительно посмотрел на Гулыгина. Тот не стал уточнять, выстрелил предателю в сердце.

Разведчик задумался. Немцы могут вот-вот появиться, но это неточно. Есть ли смысл его группе идти на запад, учитывая, что скоро рассветет, и даже в маскхалатах они не станут невидимками? Можно подождать колонну, устроить диверсию и, пока фашисты будут барахтаться в снегу, отойти к своим. А если немцы не придут?

Вечно голодный Вербин, паренек с изнеженным лицом и тонкими пальцами (но вовсе не задохлик, как могло показаться), забрался в русскую печь и сделал разочарованное лицо. Еды в печи не было.

– К Матрене сходи, – посоветовал Лазаренко. – Она на всю германскую армию наготовила. Что же ты такой голодный-то, Вербин? Тебя проще убить, чем прокормить.

– Расту, – вздохнул разведчик и с лязгом закрыл заслонку. Почему-то вспомнилась Баба-яга, которую Иван-дурак загрузил в точно такую же печь.

В окно постучали.

– Товарищ лейтенант, к вам баба идет, – глухо сообщил ефрейтор Гончар. – Мы не стали ее останавливать, а то визгу будет...

Хлопнула входная дверь, кто-то обстучал валенки и двинулся в горницу.

– Вот и Матрена пожаловала, – хмыкнул Вербин, – чудо-повариха, сватья баба Баба-риха...

– Эй, Петрович, вы чешетесь, али как? – произнес хриплый женский голос, его обладательница появилась в дверях – в меру упитанная, некрасивая, в короткой шубейке, голова обернута пуховым платком. Женщина испуганно застыла, округлив огромные глаза.

Убивать это нелепое существо слабого пола не стали. Даже Гулыгин как-то смутился и сунул «наган» за пазуху. Женщину связали, в рот сунули кляп – скомканную, дурно пахнущую ветошь. У бабы хватило ума не сопротивляться – женщины вообще соображают лучше мужиков.

– И что с ней делать? – почесал затылок Вербин.

– На бал с собой возьми, – фыркнул Гулыгин, а Лазаренко хищно оскалился.

– Не наша, конечно, забота, но сжечь бы эту деревню ко всем чертям, – проворчал Гулыгин. – Дотла, до последнего сарая, чтобы фрицам шиш достался, а не печка. Да и предателей тут навалом.

– Здесь не только предатели, – подметил Вербин. – А баб с детишками и стариками куда? На мороз? Не выживут ведь.

– А ты шире смотри на вещи, музыкант, – отрезал Гулыгин, – что важнее, то и делай. Немец в тепле отдохнет, выпится, а потом с полными силами так по нам ударит, что мало не покажется. И неизвестно, сколько стариков и детишек погибнет – уж не меньше, чем в этой деревне. Так что сравнивай, что да как. Или выступаешь против приказов нашего Верховного главнокомандования, а, музыкант?

– Да бес с тобой. – Вербин побледнел, быстро глянул на лейтенанта. – А ты, Гулыгин, не передергивай, я вообще не об этом говорил!

– Уймись, спорщики, – сказал Шубин. – Не наше это дело – деревни сжигать. До следующего вечера провозимся. Все, на выход.

– А бабу оставим? – насутился Гулыгин. – Развяжется же, тварь, сбежит.

– Да и шут с ней, – отмахнулся Шубин. – Куда она сбежит? Все ее подельники мертвые. Или почти все. Навстречу немцам побежит, платочком махать будет? Да они пристрелят ее и разбираться не станут. Ничего, окончится война, все получат по заслугам.

– Товарищ лейтенант, немцы едут, – постучал в окошко Гончар.

Он так буднично об этом сказал! Дернулись все, залязгали затворы.

– Их немного, товарищ лейтенант, – добавил Гончар. – Только мотоциклы – точно вам говорю, у меня слух музыкальный. Вы бы не выходили из дома-то? Сразу вас увидят. А мы вокруг хаты оборону займем на всякий случай.

– Бежим, товарищ лейтенант? – неуверенно предложил Лазаренко – Можно через заднее окно – и в огород...

– Отставить, – бросил Глеб, – смыться успеем, не сбежит твой огород...

За окном уже светало. Как-то незаметно пробежало время. Вербин притушил керосиновую лампу, разведчики застыли у окна. Триск мотоциклетных моторов становился все явственнее. Возможно, это авангард неприятельского войска, будет прискорбно, если за этой «первой ласточкой» нагрянет вся армия. Но это мог быть и разведывательный дозор, оторвавшийся от основных сил...

Воздух светлел. Избы, заваленные снегом, проявлялись, как фантомы, из студеного воздуха. Мотоциклы шли по расчищенной дороге, растянувшись в колонну с четкой дистанцией. Немцы предпочитали не рисковать. Гостеприимность Подмосковья они уже познали. Над снежным валом у заборов плыли каски характерной формы.

Головной мотоцикл притормозил, пилот осмотрелся, задержал взгляд на избе, где прятались разведчики. Немного поколебался, потом поддал газа и покатил дальше. Мимо калитки проследовали четыре мотоцикла с колясками. В одной из них находился пулемет, в других – непонятно что, слишком быстро проехали.

Триск понемногу затихал. Застонала женщина. Бойцы уставились на связанное тело. Из полумрака поблескивали недобрые глаза.

– Лежите, барышня, – пробормотал Лазаренко, – получайте удовольствие, пока вас не убили.

По всей вероятности, мотоциклисты должны были вернуться, уткнувшись за околицей в снежный вал. Проехать там мог только танк или мощный вездеход.

Пилоты заглушили двигатели, и пару минут было тихо.

«Ругаются, – подумал Глеб, – что местные не подготовили дорогу к их прибытию». Но никто и не обещал, что здесь будет Париж. Колонна потянулась обратно, нарастал раздражающий стрекот. Снова в поле зрения появились все те же каски.

Головной мотоцикл остановился напротив калитки – пилот развернул машину поперек дороги. Мотоциклисты, панцергренадеры – мотопехота, предстали во всей красе: в длинных шинелях, до зубов вооруженные, под касками какие-то шапочки, чтобы не мерзли головы. Неудержимо светало, видимость улучшилась: на небритых солдатских лицах серебрился иней. Белели ресницы, брови. У пулеметчика замерзли сопки и висели под ноздрями, словно белые затычки.

Ствол пулемета проделал дугу и уставился на крыльцо. Стрелок остался в коляске, двое других слезли и разошлись, сняв с плеч автоматы. Солдаты замерзли: сидевший сзади был даже без перчаток, одной рукой держал автомат, другую прятал за отворотом шинели.

– Вот скажите на милость, почему именно эта изба их привлекла? – расстроился Вербин.

– Потому что центральная и самая добротная. И печка в ней топится, – отозвался Глеб. – Могу привести еще пару доводов. Греться идут.

– Убираться не пора, товарищ лейтенант? – задумался Вербин.

– Ага, и бабу с собой возьмем, – хмыкнул Гулыгин, – и эту троицу усопших.

Назревали неприятные события. Глеб прислушивался, не подходят ли основные силы. Пока бог миловал. Подтянулись остальные мотоциклы, перекрыли дорогу. Морозный воздух разорвали каркающие команды. Снежный вал отчаянно мешал! Но неприятельским солдатам он также заслонял обзор.

В поле зрения показался офицер в звании обер-лейтенанта – молодцеватый, подтянутый. Он явно форсил, хотя замерз не меньше прочих, носил шинельку на рыбьем меху, тонкие тряпочные наушники под фуражкой, явно не рассчитанные на российскую стужу. Офицер осмотрелся, вытянув шею. По команде два автоматчика прошли на участок, разбежались и присели. Иней на лицах превращал их в жутковатых сказочных персонажей. Один укрылся за бочкой, другого устроил сугроб. В голове сразу же возник вопрос: пробьют ли пули сугроб?

Раздалась команда, и на участке появились еще двое, побежали по дорожке к крыльцу. Остальные остались на дороге, шелкали зажигалки – весьма сомнительный способ согреться.

Справа, метрах в тридцати, на соседнем участке отметилось движение – некто в маскхалате прополз между раздвинутыми штакетинами. Шевелился кто-то еще, помогал товарищу. Приятно знать, что другая часть группы где-то рядом.

– Готовы встретить гостей, товарищи? – тихо спросил Шубин. – Обойдемся без шума... во всяком случае, поначалу. Вербин, держи на мушке пулеметчика – его убрать в первую очередь.

Расклад был не в пользу разведчиков – двенадцать против восьми. Но откровенных неумех Шубин не отбирал. Даже среди ополченцев встречались способные ребята.

Немцы уже топали по крыльцу. Стучаться не стали, распахнули дверь. Загремел опрокинутый тазик. Немец что-то зло прокричал. В сенях было тепло, но солдаты рвались туда, где еще теплее! Нежданные гости возникли в дверях, возбужденные, с автоматами наперевес. Они спешили, инерция живого тепла тащила их в горницу. Здоровый фриц выпучил глаза, мотнул головой, едва не стряхнув с нее каску.

Картина так себе – мертвые тела сельчан, связанная женщина с кляпом во рту, какие-то смутные, а главное, вооруженные личности в маскировочных халатах...

Острое лезвие вошло под ребро, как нож в масло – немец поперхнулся, закашлялся. Нож рвал еще живые ткани, хозяйничал в чужом организме. Гулыгин выдернул лезвие и vareжкой заткнул фашисту рот.

Второй не успел ничего понять – Глеб ударил его прикладом в загривок ниже каски. Хрустнул шейный позвонок, солдат захлебнулся, потерял дар речи, Лазаренко с Вербиным приняли его на руки и аккуратно положили на пол. Гулыгин пристроил рядом своего, собрался вытереть лезвие о шинель мертвеца. Но передумал, задумчиво глянул на второго – тот еще подавал признаки жизни, конвульсивно вздрагивал. Гулыгин ударил его в сердце, немец вздрогнул и затих. Боец аккуратно вытянул нож, опасаясь обильного кровотечения, и только после этого вытер его о сукно.

– Погреться не удалось, – согласно прошептал Вербин.

Шубин приложил палец к губам, на цыпочках подошел к окну, пристроился за занавеской. Обер-лейтенант стоял у крыльца, ждал вестей от подчиненных и уже выказывал нетерпение. У него мерзли руки, он разминал пальцы в тонких кожаных перчатках. Офицер был молод и строен, имел правильные черты лица – истинный представитель великой расы! Он даже холод сносил стойко, хотя ничто не мешало ему утеплиться – в избах хватало зимних вещей!

Обер-лейтенант раздраженно скривил рот, вытянул шею, всматриваясь в черноту дверного проема. Увидел банные веники, удивился: на что это похоже? Наконец у него лопнуло терпение.

– Что там, солдаты? – прокричал он.

– Избушка, избушка... – прошептал Лазаренко и вопросительно глянул на командира. К комвзвода разведки личный состав относился нормально, но смущало одно обстоятельство – никогда не поймешь, что у Шубина на уме.

Выглянул немец из-за бочки, выжидающе уставился на офицера. Второй зашевелился за сугробом, высунул замерзший нос. Пулеметчик в коляске за оградой был невозмутим, как сфинкс – видимо, уже окоченел.

– Все в порядке, обер-лейтенант! – хрипло выкрикнул Шубин. – Можно заходить!

Вряд ли офицер различал голоса своих подчиненных. Да и на морозе с голосом какие только метаморфозы не происходят. Офицер оживился, заблестели глаза. Он передумал доставать пистолет, взбежал на крыльцо и шагнул в сени. Вот же незадача, на этот раз не удалось сохранить тишину! Он быстро вошел в горницу, где было, мягко говоря, не прибрано...

У офицера прекрасно работало боковое зрение! Он уловил движение, ушел от удара, бросился обратно, но Шубин подставил ему подножку, и офицер покатился по полу, голоса

что есть мочи! Коршуном налетел на него Гулыгин, ударил прикладом в челюсть. Хрустнула кость, обер-лейтенант потерял сознание.

– Не убивать! – крикнул Глеб.

Все пришло в движение, забегали люди! Лазаренко прикладом разбил стекло, дал в огород раскатистую очередь. Немец оторвался от бочки и очень об этом пожалел. Пули прошили тонкую шинель, отшвырнули вояку к ограде.

Шубин стал рядом с сержантом, ударил по сугробу. Пули вздыбили спрессованный снег, устроили поземку. «Эксперимент» удался – пораженное тело вывалилось из-за сугроба, солдат судорожно держался за простреленный бок. Он попытался было ползти, но силы оставили его, и он скатился к ограде. На снегу заалела кровь, словно художник в отчаянии мазнул краской.

Свои не дремали: заняли позиции снаружи и открыли огонь после первого же крика. «ППШ» работали с двух сторон, обрабатывая весь участок деревенской дороги. Кто-то кричал, кажется, ефрейтор Гончар: мотоциклы не уродовать!

Пулеметчик в коляске дал короткую очередь, но быстро закончил – повалился носом вперед. Кровь текла на землю по стальному ободу. В момент атаки солдаты курили и к смерти не готовились. Они уже предвкушали отдых в отапливаемом помещении, смеялись, острили.

Перекрестный огонь посеял панику. Двое повалились замертво. Третий присел за мотоциклом, выдернул из-за пояса гранату. Его свалил прицельным выстрелом красноармеец Карабаш – еще один вчерашний студент. Неиспользованная граната покатила по растоптанному снегу.

Трое беспорядочно стреляли в разные стороны. Двум сразу не повезло, пули разбросали их по проезжей части. Последний, в звании ефрейтора, оказался самым хитрым, пустился наутек. Он петлял, как заяц, успешно увертывался от пуль. Потом покатился за сугроб за оградой.

Поднялся красноармеец Лапштарь – бывший шахтер из Кузбасса, позднее рабочий на трубопрокатном заводе, – бросил гранату. Рука у мужика была крепкая, мозолистая, но не добросил – боеприпас взорвался с недолетом. Немец ногами выбил штaketник, кинулся на участок. Лапштарь бросился исправлять ошибку, немец обернулся, дернулся автомат. Лапштарь поскользнулся, разбил нос, но в остальном не пострадал. У немца имелся шанс, но наперерез уже бежал Левашов, подхватил с земли бесхозную «колотушку», пехотную гранату с удлиненной рукояткой, отвинтил колпачок, дернул за выпавший шнурок и бросил гранату в огород. Сам кинулся за подвернувшийся мотоцикл, избегая осколков. Немец далеко не уполз, граната порвала его, как огородное пугало...

– Товарищ лейтенант, мы закончили! – разнесся над деревней молодецкий крик Сани Левашова. – Выходите, стрелять не будем! У вас все целы?

Шубин выбежал в сени, запнулся о треклятый тазик, отшвырнул его ногой, спрыгнул с крыльца. На западной окраине деревни храбро гавкала собака. Мирные жители из домов не выходили – поди разберись, что произошло и кто с кем дрался.

Он припустил по дорожке. За бочкой валялся мертвый пехотинец. Его товарищ, подстреленный за сугробом, еще не расстался с жизнью, рыл снег скрюченной конечностью. Шубин успокоил его точным выстрелом в голову и кинулся за калитку.

Азарт охватил его – верный спутник в подобных ситуациях. Порой закрадывалась мысль: «Кончится война, разобьем немца, как ты будешь жить без всего этого?»

Представшее взгляду зрелище полностью удовлетворяло: дорога залита немецкой кровью, свои все целы, не считая разбитого носа у Лапштаря. Боец обиженно надувал щеки, прикладывал снег к пострадавшему лицу.

– Эх, Коля, Коля, – качал головой Гончар, пряча ухмылку, – вечно с тобой истории. Вот скажи, чего ты испугался? Надо же, немец в него выстрелил...

– Никого не осталось? – спросил Шубин.

– Двенадцать их было, товарищ лейтенант, – отчитался Левашов, – включая офицера. Всех угостили, другие пока не подошли.

Ключевое слово – «пока». Дорога в западном направлении была пуста, убегала за деревню, карабкалась на лесистый холм.

– Левашов, Гончар, садитесь на мотоцикл – и туда. – Глеб показал, куда именно. – Раз эти проехали, то и вы проедете. Прояснить обстановку к западу от деревни. Под огонь не лезть. Далеко не уезжать, пара километров – и хватит. Обнаружите неприятеля – пулей назад. Мне нужно минут пятнадцать.

– Ясно, товарищ лейтенант, сделаем вам пятнадцать минут! – Гончар подбежал к ближайшему мотоциклу, у того вхолостую работал мотор, забрался за руль. Со смехом «хорошо, что не пешком» подбежал Левашов, забрался в коляску.

– Куда вы с лыжами, дурачье? – проворчал Лапштарь. – Здесь оставьте, не украдем.

Мотоцикл укатил, выбрасывая синеватый дымок. Что-то подсказывало: неприятности не за горами. Но требовалось время – допросить офицера и добежать до восточной околицы. Шубин бросился в дом – и вовремя: Гулыгин, поигрывая ножом, с растущей неприязнью поглядывал на пленного. Он же не железный!

Обер-лейтенант не отличался смирением, смотрел презрительно и высокомерно. И эта война взглядов могла закончиться очередным кровопусканием. Обер-лейтенант тяжело дышал, лежал на боку, привалившись к стене. Он немного удивился, когда севший рядом русский вдруг заговорил на немецком языке:

– Боюсь, у нас мало времени, господин обер-лейтенант. Вам сегодня не повезло, вы встретились с советской разведкой, и в этой связи приношу глубокие сочувствия. Для вас война окончена, и жизнь, собственно, тоже. Мы не намерены тащить вас пятнадцать километров. Вы должны это ясно понимать. Но смерть смерти рознь. Можно умереть быстро и почти безболезненно. Или предпочтете мучительные страдания с поэтапным нанесением тяжелых ранений? Посмотрите на человека с ножом – поверьте, его не придется упрашивать. Мне нужны ответы на вопросы, после чего обещаю вас не мучить. Для начала представьтесь.

Для обер-лейтенанта все закончилось как обухом по голове. Он не был трусом, но умирать сегодня не планировал. Пришлось смириться с неизбежным. На месте русского он поступил бы точно так же. Немец заговорил скрипучим голосом, морщился – болела изувеченная челюсть.

Его звали Адам Рихтер, он командовал разведывательной ротой 316-го мотопехотного полка, входящего в моторизованный корпус в составе 3-й танковой группы. Корпус двигался на Клин, преодолевая упорное сопротивление Красной армии. Вчера вечером подразделения корпуса захватили село Маслово, разбив окопавшийся за селом стрелковый батальон. Танковые клинья расползлись в восточном и южном направлениях. Основной удар намечается на юго-восток. Это Клин и Солнечногорск. Немецкие части потрепаны, но еще полны сил и решимости. Пару дней назад корпус под командованием генерал-майора Фридриха Ларке получил из резерва два десятка новых танков «Т-4» и дивизион самоходных орудий. Основные силы корпуса выдвигаются к Клину, который планируется взять с ходу, а дальше развивать наступление в сторону Лобни, Красной Поляны и канала Москва – Волга. По данным немецкого командования, силы Красной армии разрознены и вряд ли сдержат натиск. Клин обороняют несколько сотен русских солдат, большинство из них – так называемое народное ополчение. Это не помеха, город обречен. Следом – Солнечногорск, затем северная окраина русской столицы...

– За моей спиной два полностью укомплектованных моторизованных батальона, танковый полк и дивизион штурмовых орудий... – с тоном превосходства выдавливал из себя Рихтер. – Уже сегодня вечером они выйдут к вашему Клину, и к утру город будет взят... То, что вы получите эти сведения, вам не поможет – вы обречены. Никому еще не удавалось долго сопро-

тивляться германской военной машине... Будь у вас хоть капля благоразумия, вы бы давно сдались и не плодили эти многочисленные жертвы... Но ваша нация начисто лишена разума, в отличие от нормальных европейских наций... Признаться, наше командование немного удивлено – вы сопротивляетесь дольше, чем мы думали, вашим солдатам не откажешь в стойкости и храбрости, на отдельных участках вы даже остановили наше наступление... Но вы должны понимать, что это тщетные усилия...

– И все же мы попытаемся, с вашего разрешения, герр Рихтер, – холодно улыбнулся Глеб. – Как знать, лично мне кажется, что вы ошибаетесь. В котором часу ваши части должны пройти деревню Вишняковку?

– Это случится очень скоро, они уже рядом... У них, видимо, задержка технического характера, бульдозерам постоянно приходится бороться с вашим снегом... Единственное, что сдерживает наше победоносное шествие, – это проклятая зима... Очень много снега и очень холодно...

– Благодарю, герр Рихтер. Если хотите, можете закрыть глаза. – В голову пленного уперся ствол «ТТ». Немец слотнул, задрожал и широко распахнул глаза. Было что-то неприятное в том, что приходилось делать. Среднее удовольствие – стрелять в безоружных людей. Пусть он враг и сам бы поступил точно так же. Грохнул выстрел – голова немца откинулась.

События катились как снежный ком! Разведчики покинули теплую избу под сдавленное мычание связанной Матрены. Бедняжку забрызгало мозгами немецкого офицера. Но вряд ли это повод поумнеть. Расстреливать бабу не хотели, даже Гулыгин, согласный уничтожить врага в любое время и в любом количестве, угрюмо молчал.

С запада приближался мотоцикл. Левашов в коляске энергично сигналил. Все было понятно без слов.

– Валим, товарищ лейтенант! – заорал боец, когда Гончар затормозил у калитки. – Фрицы прут, много их, и быстрые они! Будут здесь через пару минут! Они нас, кажется, засекли!

– А вот без этого никак? – возмутился Шубин. – Вы что там, на юру гарцевали? Так, все ко мне! Бегом марш! Отставить! – Он уставился на пустые и никому не нужные мотоциклы. Один был явно подбит, из бака вытекло горючее, но даже трех машин для восьми человек было достаточно! – По машинам, бойцы! Гончар, прокладывай дорогу на восточную околицу!

– А что ее прокладывать, товарищ лейтенант? – засмеялся ефрейтор. – Вот она, дорожка, как ниточка, тянется!

Моторы завелись, разведчики заняли места, обняли свои громоздкие лыжи. Никто не возражал прокатиться – пусть даже недолго. Плевались выхлопные трубы. Горючее в рейхе было не лучшего качества, но это не мешало немцам рваться в необозримые дали.

Группа пронеслась через восточную часть деревни.

«Детский сад, – неодобрительно думал Глеб, наблюдая, как улюлюкают Левашов, Карабаш и примкнувший к ним Вербин. – Воины называется, детство еще в штанах клокочет!»

Путешествие на колесах было недолгим – метров четыреста. Но оно сэкономило время, группа ушла от смертельной опасности. За деревней уперлись в снежную преграду. Дорога закончилась. Ею не пользовались очень долго, и она утонула под снегом. Дальше сельчане дорогу не чистили.

Гончар поднял мотоцикл на дыбы, но цирковой номер не удался, машина завалилась, незадачливых мотоциклистов пришлось вытаскивать всем гуртом. Переломов избежали.

А лес на другой стороне низины уже наполнился грохотом и лязгом. Шла военная техника. Вездеходы продавливали колею и волокли полевые орудия. Рычали двухтонные грузовые «Опели», набитые пехотой. Во главе колонны шли бульдозеры с поднятыми скребками – они расчищали самые крупные завалы. Вперед вырвались мотоциклисты, они уже въехали в деревню. Тугая очередь из пулемета пропорол воздух.

Уже рассвело, местность как на ладони. Разведчики таранили сугробы, брели по ним, как по глубокой воде.

– Становись на лыжи! – скомандовал Шубин.

Потеряли полминуты, разбираясь с креплениями. Но оно того стоило. Ветер свистел в ушах. За спиной стучал пулемет, но он лишь теоретически мог нанести вред. Восемь человек бежали к лесу, отталкивались палками, и вскоре снежный вал закрыл их от взоров посторонних.

Мотоциклисты уперлись в завал, спешили, полезли в снег, стреляли вдогонку. Но на такой дистанции они не имели шанса. Красноармейцы ворвались в редколесье, бежали на лыжах, пока позволял рельеф. Сомкнулись еловые лапы за спиной, стало тихо.

Короткая передышка – восстановили дыхание. Все молчали. Снова рывок – сквозь разреженный сосняк. А когда уперлись в вереницу оврагов и холмов, сняли лыжи и двинулись в юго-восточном направлении, проваливаясь в снег. Снова берегли дыхание, молчали.

День разгулялся, но солнце не баловало, пряталось за охапками косматых облаков. В какой-то миг лейтенант сообразил, что группа сбилась с маршрута, ушла в сторону. Стали искать тропу, которую протоптали несколько часов назад. Местность поднималась, с вершины холма выдувался снег. Обозначился проселок, который они искали. По этому случаю Шубин объявил привал, а через пять минут опять скомандовал:

– Всем вперед, не спать, а то замерзнете!

Глава вторая

Местность узнавалась. Справа черный ельник – удобное местечко, если надо укрыться, слева – сторевшая еще до войны деревня Погорелое (с таким названием, да не стореть?), впереди замерзшая речка Боярка, а за ней верст семь – и, считай, дома. На холм взбирались, как на Эльбрус, а достигнув вершины, в изнеможении попадали на землю. Только Шубин остался на ногах.

С вершины открывался безрадостный вид на кусочек Подмосковья. Леса на западе перемежались холмами и речными долинами. Простирались поля – еще недавно сельскохозяйственные угодья, а теперь заброшенные участки плодородной земли.

С северо-запада в направлении Клина двигалась колонна бронетехники. Чуть правее – еще одна, кажется, от села Портнова. Танки и машины казались игрушками, человеческие фигурки – вообще ничтожной пылью. Кое-где танки уходили с дороги, шли в поля, а потом опять сбивались в кучу, тянулись бесконечной гусеницей.

Населенные пункты в этом районе практически отсутствовали. Захудалые деревушки немцы обходили стороной – не хотели тратить время. На северо-востоке гремела канонада – часть вражеского войска предприняла глубокий обходной маневр. До Москвы далековато, но если оседлают хотя бы пару местных шоссе, двинутся по ним... то могут и за сутки достичь столицы...

За спиной проскрипел снег – подошел сержант Лазаренко, хмуро посмотрел вдаль. Километрах в пятнадцати низко над землей шло звено бомбардировщиков – какие-то белесые фантомы выныривали из-под облаков, снова пропадали. Видимо, шли на канал Москва – Волга – последнее крупное препятствие на пути к советской столице.

– Как думаете, товарищ лейтенант, не сдадим Москву? – даже самых стойких в этот момент порой терзало сомнение, охватывали приступы малодушия.

– Об этом даже не думай, сержант. Все ляжем, но Москву не отдадим. Немцы выдыхаются, а к нам со всей страны подкрепления подходят. Слышал про дивизию Панфилова? Ребята из Казахстана и Киргизии бьются, как черти, военные корреспонденты не успевают описывать их подвиги... Еще немного откатимся, потом встанем, с силами соберемся, да и погоним фрица от Москвы... О чем это мы? – Глеб вышел из оцепенения, посмотрел на часы. – Две минуты на отдых, потом прокатимся с горы – и снова в лес. Немцы еще не скоро подойдут – это только с холма кажется, что они рядом, а на деле им еще кружить и кружить...

Спуск с горы взбодрил. Бойцы посмеивались над Лапштарем, который до войны ни разу не вставал на лыжи. Боец беззлобно огрызался. Через пару верст сделали последний привал. Разгоряченные красноармейцы попадали в снег, тяжело дышали. Невероятная усталость сковала члены. Не хотелось разговаривать, строить планы на будущее, даже курить. Шубин украдкой разглядывал своих бойцов. Выпало этим людям немало. «Элита» Красной армии таковой совершенно не казалась – народ пестрый, у многих – плачевно с боевым опытом, но все же он не ошибся, выбрав именно их...

Стоило закрыть глаза – завихрилась поземка, поплыли события последних недель. Еще недавно была распутица, затем ударили морозы, Подмосковье завалило снегом. Немецкие войска рвались к Москве, и казалось, только чудо их остановит. Столицу штурмовали с трех направлений: с севера, юга и по центру. 3-я и 4-я танковые группы обходили город с севера, наступали на Клин и Солнечногорск. 2-я танковая армия действовала на юге. Части РККА удерживали Тулу – немцам так и не удалось ворваться в город.

Танковая армада пошла в обход – на Каширу и Коломну. Неимоверным напряжением советские войска сдерживали натиск, медленно пятились. Немцы не утратили надежды обойти Москву и замкнуть кольцо в районе Ногинска. 4-я полевая армия атаковала в лоб – на цен-

тральном, западном направлении. Ей ставилась задача сковать войска Западного фронта, вынудить советское командование снять войска с других направлений.

В Подмоскovie разгорелась яростная битва. Войска оттягивались к столице, немцы наседали, вводили в бой последние резервы. 30-я и 16-я советские армии несли чудовищные потери, между ними образовался разрыв, туда и устремились танковые колонны врага. И все же что-то менялось на театре боевых действий – и это можно было различить невооруженным взглядом. Вся страна работала на фронт. С запада подходили свежие части и соединения – солдаты были одеты и обуты, надлежащим образом вооружены. В состав Западного фронта были переданы 1-я Ударная армия генерал-лейтенанта Кузнецова и 20-я армия генерал-майора Власова. Они прикрыли разрыв между 30-й и 16-й армиями, части закреплялись на ближних подступах к Москве, готовились к контрнаступлению.

Войскам на линии боевых действий приходилось туго. После памятной операции по освобождению генерала Беспалова, когда в живых из группы остались только трое, потрепанную часть полковника Донского вывели в тыл и расформировали.

Леха Кошкин во время отступления получил ранение. Он успел сигануть с бортовой полуторки, когда колонну атаквали бомбардировщики, но в полете поймал плечом осколок. Леха не верил, что такое возможно – пройти через всю мясорубку и выжить! А в ситуации, когда «ничего такого», – получить ранение! Он чуть не плакал, когда его, перебинтованного, увозили в лазарет.

«Товарищ лейтенант, меня дождитесь, я скоро вернусь, – стонал Леха. – Обязательно вернусь, ранение-то пустяковое, хотя болит сильно...»

Шубин наводил справки. Кошкин был жив, валялся в госпитале где-то под Коломной, мечтал о том дне, когда снова встанет в строй.

Настя Томилина тоже не задержалась в части. «Не женское это дело – в атаки ходить и окопы рыть в мерзлой земле, – заявил сменивший Донского майор Рясников. – Положение тяжелое, но чтобы баб заставлять воевать...» Настю увезли в Москву, на курсы разведывательно-диверсионных групп. Это направление в последнее время получило большую популярность. Диверсантов штамповали тысячами, при этом подготовка хромала на обе ноги, но навыки чудо-солдата этим людям и не требовались.

Они долго прощались, сердце сжалось, когда он смотрел на эту девушку. Храбрая, решительная, воевавшая наравне с мужиками, да еще и выжившая – а на деле обычная девчонка, ранимая, потерянная, со всеми бабскими штучками. Ей точно не место в этой кровавой мясорубке! И ведь не успокоилась, в диверсанты рвалась...

«Ладно, Глеб, я не в обиде, – вздохнула Настя, когда он «по-братски» ее обнял. – Прикипела я к тебе, жалко расставаться, да и любишь ты другую – и хоть тресни, не хочешь на меня взглянуть другими глазами... Иногда кажется, что тянешься ко мне – но нет, ошибаюсь, правильный ты больно. А я для тебя лишь товарищ... Ты не волнуйся, я тебя забуду, это несложно, когда вокруг столько мужиков. Но все равно пиши, ладно? Я сообщу тебе адрес полевой почты...»

Да, иногда он тянулся к этой бесшабашной девчонке – завораживали глаза и загадочная грустная улыбка. Но в голове возникал не менее печальный образ «другой», и наваждение таяло.

Про Лиду Разину сведений не было. Судьба разбросала их – он вышел к своим, а Лида осталась в партизанском отряде полковника Моисеевского. Поначалу приходили весточки – жива твоя «любовь до гроба», врачует подстреленных партизан. Потом ручеек иссяк, и это неудивительно. База Моисеевского находилась под Вязьмой, в глубоком немецком тылу. Связь поддерживалась эпизодически. Отряд набирал силу, получал подкрепление – сбегали военнослужащие из немецкого плена, прорывались красноармейцы из окружения, мирные жители брали оружие и присоединялись к партизанам. Отряд Моисеевского превратился в силу, с

которой приходилось считаться. Немцы устраивали облавы, стягивали полицию, карательные части, но партизаны держались. В случае явной угрозы меняли дислокацию. Про Лиду известий не было. Писать ей было некуда. Глеб терзался, не зная, жива ли она.

Он еще хромал. Нога заживала медленно. Майор Рясников выдал предписание: явиться в Москву по такому-то адресу в Сталинском районе столицы, там он получит новое назначение. Несколько дней в бездействии – глядишь, и нога подживет.

Очень хотелось увидеть Москву – и Глеб ее увидел. От увиденного защемило в груди. Паники в городе не было, каждый житель знал свое место и верил в лучшее. Подступы к городу оцетинились оборонительными сооружениями. На улицах – противотанковые ежи, пулеметные и зенитные гнезда из мешков с песком. Работали заводы, фабрики, государственные учреждения – правда, не все. Об эвакуации советских и партийных структур даже не было речи. Ставка Верховного главнокомандования работала в Москве – а не где-нибудь на Волге или в Сибири. Патрулей на улицах было больше, чем прохожих. На крышах дежурили служащие частей гражданской обороны. Налеты на столицу совершались часто, но ПВО работала без сбоев, лишь отдельным самолетам удавалось прорваться к городу.

Шубин бродил по мрачным холодным улицам, не узнавал столицу. Суровый город жил суровой жизнью, готовился к уличным боям. Грабителей и мародеров расстреливали на месте, без суда и следствия. И все же криминал процветал – забирался в глубокие подворотни, подъезды, канализационные шахты. Отдаляться от главных улиц было опасно. Но как тогда людям попадать в свои дома, ведь в каждом дворе милиционера не поставишь?

Он шел по улице Чернышевского (бывшей Покровке), когда услышал из подворотни сдавленный призыв о помощи. Не раздумывая, Глеб бросился в переулок, завертелся, пытаясь понять, откуда доносятся звуки, кинулся в проходной двор. И успел к раздаче, один из грабителей держал сопротивляющуюся женщину, а другой готов был всадить в нее нож. Женщина была в годах, далеко за пятьдесят, она вцепилась в свою сумочку, как в родное дитя, сопротивлялась.

Позднее выяснилось, что в ней лежало выданное накануне денежное довольствие. А дома дожидались больная мать и дочь-инвалид. Глеб выбил нож, припечатал злоумышленника затылком к стене. Второй наскокивал, у него тоже был нож. Справиться с этой шелупонью большого ума не требовалось: Шубин с легкостью выбил финку и врезал так, что у грабителя посыпались зубы. Когда на шум прибежал патруль, преступники уже корчились на земле, а Шубин поднимал на ноги плачущую женщину.

Разбирательство времени не отняло. Командира Красной армии поблагодарили за проявленную сознательность, а преступников поставили к стенке. По мнению Шубина, можно было и не мучиться, пристрелить в лежачем виде. Но соблюдался ритуал. Грабителей насилие подняли, прислонили к стене, зачитали приговор: «Согласно постановлению Совнаркома от такого-то числа... применить чрезвычайную меру социальной защиты...» Суда не требовалось, все и так понятно. Преступники выли благим матом, умоляли пощадить, истерично смеялись: «Вы что, шутите?!»

После расстрела воздух в Москве на долю процента стал чище. Женщина благодарила, звала в гости, но Шубин поспешил уйти и забыть этот эпизод как дурной сон...

После поражения под Вязьмой Московский горком начал формировать коммунистические стрелковые дивизии. В начале ноября Московскую дивизию переименовали во 2-ю Московскую стрелковую дивизию народного ополчения. Сводили воедино потрепанные части 242-й дивизии, 1-го корпуса ПВО, рабочие и истребительные батальоны. Поступали пополнения из районных военкоматов. В состав дивизии влился 472-й гаубичный артиллерийский полк. На конец октября в дивизии насчитывалось почти 19 тысяч штыков. Подавляющее большинство – комсомольцы, партийцы и кандидаты в члены партии. Почти поголовно – добровольцы.

Вооружали дивизию чем пришлось: «трехлинейками», самозарядными винтовками Токарева, пулеметами «Максим», «Браунинг», «Кольт». Имелось несколько десятков минометов. Пушки были старые, в основном французские, расточенные под советские боеприпасы. Дивизия действовала с конца октября, но в боях участия не принимала – дислоцировалась в пригородах столицы. Красноармейцы возводили оборонительные сооружения, занимались учебой. Ввиду того, что на две трети дивизия состояла из ополченцев, это лишним не было.

Командование принял генерал-майор Смирнов, бывший начальник Подольского пехотного училища. Штаб соединения разместился на Бахметьевской улице, где Шубин получил назначение в действующую часть.

Немцы давили на всех участках фронта. Шубин прибыл в 4-й стрелковый полк 16 ноября, когда немецкие части на северо-западном направлении двинулись в решительное наступление. В управлении войсками царил неразбериха. Пополнения еще не подтянулись, оборонялись тем, что имели. Ополченцы стояли насмерть, но опыта и умения не хватало.

Сказывалась близость Москвы – дивизия неплохо снабжалась, солдаты не голодали, щеголяли утепленными шинелями, полушубками. Шапки-ушанки были у всех. На наличие боеприпасов тоже не жаловались. Но потери несли тяжелые, гибли целые подразделения. А враг – замерзший, часто не кормленный, отлученный от своих обозов и по этой причине доведенный до бешенства – атаковал со слепой яростью, создавал численное превосходство на каком-нибудь участке и пробивал, как молот кирпичную стену, растекался по лесам и полям Подмосковья, создавал смертельную угрозу фланговым частям. И тем приходилось пятиться, чтобы не попасть в окружение...

Формировать взвод пришлось под огнем. Остатки прежней разведки – семеро бойцов из 242-й дивизии, имевшие боевой опыт, – погибли у Шубина на глазах. Ждали нового командира и прятались в воронке от снаряда. Математическая вероятность на войне не работала – в воронку угодил снаряд, когда Шубин к ней уже подползал. Взрывная волна ударила в голову, но бывало и хуже.

Оплакивать погибших времени не было. Наступило затишье, и майору Комкову потребовались разведанные. «Проведешь разведку боем, лейтенант, – приказал Комков. – Нужно выявить расположение пулеметных гнезд и батарей полевых орудий – все это беспокойное хозяйство нам сильно осложняет жизнь».

На задание убыли двадцать девять человек, вернулись восемнадцать. Они и составили костяк полковой разведки – именно потому, что вернулись.

На переднем крае царил форменный ад. Немцы обстреливали из минометов все, что шевелилось или могло пошевелиться. Разведчики добрались до переднего края, сержант Лазаренко лично забросал гранатами пулеметную ячейку и даже погостил во вражеской траншее. Вернувшись, отчитался: не понравилось. Злые они. И реагируют болезненно, когда по ним стреляешь. В ходе проведения разведки вычислили энное количество огневых точек, их впоследствии подавила артиллерия, и наступление фашистов на этом участке временно заглохло.

Снова выдалось затишье, появилась возможность познакомиться с людьми. Глеб схватился за голову: кого он набрал к себе в разведку? Людей с боевым опытом – раз, два и обчелся. Зато налицо вся палитра строящей социализм страны! Студенты, инженер из конструкторского бюро, агроном, зоотехник, пролетарии с промышленных предприятий, научный сотрудник управления метеослужбы, а рядовой Рунгель и вовсе сотрудник Института гигиены труда и профзаболеваний!

– Вы, наверное, важным делом занимались у себя в институте, товарищ? – не сдержался Шубин, разглядывая невысокого лысоватого бойца с удручающе интеллигентным лицом. – Вы говорите, не стесняйтесь.

Боец молчал, прикусив губу. И выжил он в последнем бою, видимо, по случайности.

– Товарищ Рунгель проводил исследования, как правильно чистить зубы и зачем это надо, – под сдавленные смешки подсказал сосед по строю – смешливый паренек среднего телосложения.

Шубин вздохнул:

– А вы кто? Подсказчиком работали на радио?

– Никак нет, товарищ лейтенант. Рядовой Карабаш. – Боец вытянулся, опасливо кося глазом. – Алексей Юрьевич, если что. Двадцать два года, студент пятого курса Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Учебу не закончил. В Москве – с сентября текущего года, прибыл, чтобы записаться в армию. После войны надеюсь доучиться. Геологом хочу стать.

– Геологом – еще ладно, – проворчал Глеб, – лишь бы не великим пианистом... – Он покосился на Вербина, который с трудом сдерживал смех.

– Зря вы так, товарищ лейтенант, – обиженно забормотал Рунгель, – работа нашего института крайне важна для каждого советского человека и народного хозяйства в целом. Кем мы будем без гигиены труда? И как можно недооценить борьбу с профзаболеваниями? Шахтеры, горнорабочие, те же геологи, водолазы... Вы представляете, что такое профессиональное заболевание?

– Отчетливо, – кивнул Глеб. – Снаряд вчера бабахнул – до сих пор голова болит. Яркий образец профессионального заболевания.

Разведчики засмеялись.

– Я в армии служил, товарищ лейтенант, – обиженно бубнил Рунгель. – Давно это было, зато в артиллерийском полку.

– Это успокаивает, товарищ Рунгель. Да вы не обижайтесь, все в порядке, вы прекрасно проявили себя в последнем бою.

А в целом ситуация удручала. Ребята были толковые, он это чувствовал, но опыта – ноль. Да еще эта чертова «прослойка» – чуть ли не треть личного состава! Но что он имел против интеллигенции? В Конституции 36-го года было ясно сказано: в советском обществе полностью искоренены эксплуататорские классы. Общество состоит из рабочих, крестьян и узкой прослойки интеллигенции – вроде тонкого слоя масла между хлебными ломтями. А чтобы не было непонимания и неуместных ассоциаций с буржуазной интеллигенцией, к последней добавилась приставка – «народная».

– А ты каких будешь, малец? – Глеб озадаченно уставился на хрупкого юнца с пушком на губах. Тот важно надувал щеки и всячески старался казаться взрослым.

– Рядовой Боровкин Максим, – ломающимся голосом сообщил боец. – Живу на Краснопролетарской улице...

– Школу окончил? Мамка знает, что ты в армии?

Боец залился краской. Тема явно была болезненной.

– Мне-то не ври, – строго сказал Глеб. – Сколько лет себе приписал? Говори, не бойся, ты уже в армии – не выгоню.

– Семнадцать мне, товарищ лейтенант...

– А подумать?

– А он уже подумал, – хмыкнул Карабаш.

– Да семнадцать же, товарищ лейтенант...

– Смотри у меня, Боровкин...

Танковые колонны взламывали оборону Красной армии, упорно двигались дальше, растекались по просторам. Полк отступал, пятились соседние полки. Безбожно растянулась линия фронта вследствие обходных маневров гитлеровских войск. 18 ноября 4-й полк получил подкрепление – две сотни рабочих московских заводов. Им даже обмундирование не выдали, пришлось снабженцам на месте фантазировать.

В тот же день майор Комков получил приказ прикрыть город Клин, оставшийся почти без защиты. Был спешно сформирован сводный отряд в количестве четырехсот человек и пешим маршем отправлен в город. Людям Шубина приказали примкнуть к отряду.

Батальоном командовал майор Мошляк, отличившийся в 38-м году в боях у озера Хасан, выпускник Военной академии имени Фрунзе. Но сомнительно, что заслуги майора помогли бы ему наладить эффективную оборону малыми силами. Отряд имел десяток пулеметов, несколько противотанковых ружей, четыре полевые пушки – и больше ничего. Отсутствовали сведения, когда и с какого направления ударят фашисты. Все прекрасно понимали: это смертники, город не удержать. И Верховное командование понимало: Клин обречен. Вопрос лишь в том, как долго можно задержать немцев. В тылу действующих частей разворачивались 20-я и 1-я Ударная армии, им требовалось время для занятия позиций.

К утру 19 ноября сводный отряд вступил в Клин. Город вымер, не работали промышленные предприятия. Большинство населения ушло на юг, оставив дома. Улицы и здания замело снегом, его никто не чистил. По дорогам блуждали бродячие псы, выли голодным воем. Сердобольные красноармейцы их подкармливали.

В пустующем доме на улице Ленина заработал штаб. До северной окраины здесь было метров четыреста. Подразделения заняли северную и северо-западную части города, возводили укрепления, устанавливали пулеметы и противотанковые ружья. Связь имела только с соседним полком – там было тихо.

В три часа пополудни майор Мошляк вызвал к себе Шубина.

Майор сидел в расстегнутом полушубке на скамье, грел руки над печкой. Рядом лежала карта – объект повышенного внимания комбата. Мошляк был коренаст, обладал волевой квадратной челюстью, цепким взглядом. Он много требовал от подчиненных, но и от себя тоже: брился каждый день, был умерен в еде, спал ровно столько, чтобы не падать с ног. О майоре Мошляке в солдатских кругах ходила добрая молва.

– Подвигай табурет, присаживайся, лейтенант. Чаю не предлагаю, пока еще сам не разобрался, где тут чай. Смотри, у нас без малого пятьсот штыков, пэтээры, пулеметы – вроде достаточно, чтобы удержать одно направление. День-другой простоим. Но только одно направление, заметь. Два и три уже не осилим. Мы же не Фигаро, чтобы метаться... А в город с направления возможного удара ведут три дороги, вот они, смотри. С севера, северо-запада и с запада. Противник где-то там, – Мошляк обвел ладонью пространство севернее города, – и откуда пожалует, мы можем только догадываться. Здесь второй стрелковый полк – пойдут с запада, нам сообщат. Хоть что-то. Но вся вот эта неизвестность... Улавливаешь мысль?

– Улавливаю, товарищ майор.

– Ценю твою сообразительность. Выступай, выясни обстановку и доложи. От тебя требуют подвижность и незаметность. Могу предложить только лыжи. Изучи обстановку вокруг сел Вышнее, Полозово и деревни Вишняковки. Обнаружишь немцев – пулей назад. Другой вариант – захват и допрос компетентного немецкого офицера. Можешь разделить своих людей: часть пойдет на север, другие – на северо-запад. Мы в тумане, черт возьми... – Мошляк глухо выругался, – данные войсковой разведки для нас недоступны, связь отсутствует. Сколько у тебя людей?

– Уже двадцать четыре, товарищ майор. Со мной – двадцать пять.

– Ого, жируешь, лейтенант... У иных в ротках меньше, чем у тебя во взводе. Не поделишься?

– Не хотелось бы, товарищ майор... – Глеб смутился.

– Ладно, шучу, – майор засмеялся. – Деловая хватка у тебя, лейтенант. И жадина ты порядочная... В таком случае высылай людей во всех направлениях. А остальные пусть сидят в соседней избе и сил набираются. Не позднее чем через сутки ты должен вернуться и доложить. Придется побегать, лейтенант.

- Привычные мы, товарищ майор, побегаем.
- Ты должен понимать, лейтенант... – Мошляк замялся, – как бы ни старались мы удержать этот городок, нас сомнут и выбросят в поле. Спасет только чудо, но чудес не бывает.
- Я все понимаю, товарищ майор. Но день продержимся – уже хорошо.
- Рад, что понимаешь. Но смертников изображать из себя не будем – очень уж хочется дойти до Берлина и посмотреть Гитлеру в глаза. Предпримем все возможное, чтобы выжить. Удачи, лейтенант!

Глава третья

В районе полудня группа вернулась в расположение сводного отряда. Бойцы спешили, бежали в полный рост и на законное требование дозора отозвались трехэтажной бранью. Другого пароля не требовалось. Усталые, они сняли лыжи, перевели дыхание. Предстоял еще один забег – до штабного строения.

Под глазами майора Мошляка залегли темные круги – ночь выдалась бессонной. Город подвергся авианалету, пострадали несколько зданий, погибли гражданские, четыре красноармейца, шесть человек получили ранения.

– Сержант Кулагин вернулся, товарищ лейтенант? – выпалил Глеб.

– Да, вернулся твой Кулагин, – кивнул майор. – На севере все тихо. Авиация пролетает мимо – идет на канал. Докладывай. Вижу по глазам, что все плохо.

– Через Вишняковку и Курыгино идут два моторизованных полка. Много танков и пехоты. Будут здесь через пару часов. Не хочу показаться паникером, товарищ майор, но долго мы не продержимся. Даже если стеной встанем, немцы обойдут город и двинутся к Солнечногорску. А мы останемся в котле. К югу от города, примерно в двух верстах, начинается лес. Его прорезает дорога. Пока не подошли немцы, можно вывести людей, оседлать лесную дорогу и там наладить полноценную оборону. Продержимся больше суток, уверен. Обойти нас лесом будет трудно...

– Да, это было бы правильно, лейтенант. – Мошляк задумчиво смотрел на карту. – Мы бы сэкономили часть людей и выиграли время. А оставленный при отступлении город... он не последний. Но у меня есть приказ – держаться, пока все не станет по-настоящему плохо. Войска противника измотаны, их надо измотать еще больше, чтобы к Москве они подошли полностью истощенными. Сегодня днем мы никуда не уйдем. Посмотрим, что будет к вечеру. Держи своих людей при штабе, лейтенант. Изучи план города, возможно, будут особые распоряжения.

Гарнизон активно готовился к обороне. Снимались силы с северного направления, перебрасывались на северо-запад. Бойцы перетаскивали противотанковые ружья, пулеметы «Максим», американские пулеметы «Кольт-Браунинг» образца 1895 года. Эти штуки работали на треногах, у большинства отсутствовали защитные щитки.

На северном направлении остались только наблюдатели. Оборона уплотнилась, но все равно приходилось контролировать обширное пространство. Северо-западные окраины – небольшой частный сектор, склады, заброшенная трикотажная фабрика. Ближе к окраине – мусорные пустыри, незавершенное строительство крупного складского объекта. Укрытий в районе хватало. Но четкое понимание, как поведет себя противник, отсутствовало.

На этой окраине брали начало улицы Ленина и Островского – обе проходили через центр и тянулись в южное предместье. Снег давно не убирали, но возможность для прохода крупной техники оставалась.

Красноармейцы вытаскивали на проезжую часть всякий хлам: мебель из близлежащих домов, фрагменты стальных ворот, ржавый металлолом. Баррикады получались хлипкими – не было времени выстроить что-то основательное. Мелькали саперные лопатки – бойцы вгрызались в промерзшую землю. Покрикивали командиры, определяя места для пулеметных гнезд.

В распоряжении Мошляка имелись четыре полностью укомплектованные роты, отделение санитаров, взвод разведки. Рота капитана Лядова осталась в резерве, рассредоточилась по цехам трансформаторного завода. Носились порученцы – командиры рот докладывали о готовности. Предстояли непростые времена – санитары заняли здание местной амбулатории, реквизировали все бинты, лекарства, носилки. В распоряжении медицинской службы не было ни одного автомобиля. Впрочем, парочку дряхлых полуторок все-таки нашли на автобазе.

Пожилой сторож что-то бормотал про материальную ответственность, потом побледнел, махнул рукой и с берданкой на плече побрел воевать вместе со всеми...

В городе осталось гражданское население. Народ прятался по подвалам, было много стариков, детей. Люди подходили, спрашивали, что им делать. Майор Мошляк сорвал голос, призывая жителей уходить из города, пока не поздно. А если все же решили остаться, то прятаться как можно глубже, он не несет ответственность за гражданских лиц!

После двух часов пополудни повалил густой снег. Крупные узорчатые хлопья красиво кружились в воздухе, плавно падали на землю. Интенсивность снегопада росла. Красноармейцы отплеывались, ругались – ни черта не видно! Снег шел стеной, засыпал людей, свежерытые окопы. А когда снегопад прекратился, разразились тревожные крики: «Немцы! Приготовиться к бою!»

Из дальнего леса выползали средние танки «Т-3» и «Т-4». Первые – сравнительно легкие, с укороченными пушками, вторые – массивные, с приплюснутыми башнями и удлиненными орудийными стволами. Боевая техника не спешила, шла медленно, неотвратно. Танки растянулись в колонну, их было не меньше десятка.

Шли грузовики – тяжелые трехтонные «Опели» с пехотой. Грузно покачивались борта, колеса вязли в ухабах. Открытое место было ветреное, снег там не задерживался.

Головной танк притормозил, распахнулся люк, оттуда показалась размытая фигура танкиста. Офицер разглядывал в бинокль очередной город, готовый сдаться на милость великой армии. Город не производил впечатления – небольшой, малоэтажный, без достопримечательностей, да еще и по крыши заваленный снегом.

Офицер внимательно разглядывал городскую окраину. Он не мог не заметить позиции советских солдат – те особо и не прятались. По дороге вдоль застывшей бронетехники забегали люди. На опушке показалась минометная батарея. Пехотинцы покидали машины, разбежались по полю...

Минометный обстрел начался внезапно. Фашисты вели огонь по площадям. Предварительную разведку они не проводили. Самоуверенности еще хватало – даже в столь непростые для вермахта времена.

Мины разорвались у истоков городских улиц, повредили водонапорную станцию. Бойцы прижались к земле. Кто-то спрятался под металлическими щитами. Взрывы разбрасывали мерзлую землю.

Передали по цепочке: «Огонь не открывать, ждать!»

Обстрел продолжался несколько минут. Осколки срезали ветки с деревьев, повалили опору электропередачи. Загорелся дощатый сарай, к нему тут же стали подползать бойцы, оказавшиеся поблизости, – погреться. Пробежали санитары – забрать раненого.

Танки возобновили движение. Несколько машин сползли в кювет, снова выбрались на дорогу, обойдя головной танк. Командир не рвался в бой на белом коне. Башенные орудия вели непрерывный огонь. Пехотинцы рассыпались цепью, двигались вдоль дороги с карабинами наперевес. Маскировочное облачение у пехоты отсутствовало, шли в темных шинелях. Махали руками взводные командиры, призывали солдат растянуться. До наших позиций оставалось метров пятьсот. Окопы молчали. Санитары протасили окровавленного бойца – парнишка жалобно выл и звал маму.

Под гусеницей танка сработал заложенный фугас. Мощность взрывного устройства была неслабой. Тяжелая машина вздрогнула, ее окутал едкий черный дым. Отвалилась гусеница, танк завертелся, встал поперек дороги. Залегли пехотинцы, бежавшие рядом. Распахнулся люк, выпрыгнули двое. Остальные не успели – изнутри танка повалил густой дым, вырвалось пламя.

Остальные машины стали уходить с дороги, развернулись в поле. Башенные орудия не прекращали огонь. Пехота пряталась за танками, невзирая на смрадные ароматы. Позиции красноармейцев заволочла прогорклая завеса. До атакующей шеренги оставалось метров четы-

реста. Рычали танки, переваливались через ухабы. Подошли грузовики, из них посыпались солдаты, стали разворачиваться в цепь.

– Огонь! – прокричали командиры.

Загрохотали пулеметы, захлопали винтовочные выстрелы. Автоматы «ППШ» пока молчали – не та дистанция. Атакующая пехота перешла на бег, солдаты обгоняли танки. Снова заработала минометная батарея. Мины падали с душераздирающим воем, рвали землю и человеческие тела.

С первых же минут батальон Мошляка понес потери. Пулеметчики гибли, едва успев открыть огонь. Их замещали другие, спешили отработать боезапас, пока чего не случилось... В снегу чернели мертвые тела в шинелях мышинного цвета. Полз раненый, разевая черный рот. Обе стороны теряли людей. Но бойцы не бросали позиций, и немцы не собирались отступить. Они рвались в бой. Впрочем, уже не шли в полный рост, двигались перебежками, часто залегали.

Ускорились танки. Захлопали ПТРы. Еще одна гусеница отлетела – танк задымился, стал двигаться, как покалеченный танцор, но все равно на месте не стоял. Трещал танковый пулемет. Вторая пуля крупного калибра попала между башней и станиной, машина задымилась, встала.

Но атака набирала обороты, из леса выползали все новые машины, подходила пехота. Это было жутковато. Немцы рвались в город, не считаясь с потерями. Развевались полы солдатских шинелей. Триста метров до противника, вот уже меньше двухсот... Один из танков вернулся на дорогу, проехал метров семьдесят и был благополучно подбит из противотанкового ружья. Члены экипажа в черных комбинезонах скользнули по броне, кувыркнулись в кювет.

Немцы атаковали обе улицы – Ленина и Островского. Несколько красноармейцев оставили позиции, побежали в тыл. Двоих растерзали осколки взорвавшейся рядом мины, остальные попадали в снег.

– Куда?! – орал молодой взводный в заломленной на затылок ушанке. – Держаться, ни шагу назад!

Его убили через минуту, но основная масса бойцов все-таки осталась в окопах. Прекратился минометный обстрел, немцы боялись задеть своих. Волчья стая приближалась, солдаты перешли на бег. Раненый красноармеец, оставляя за собой кровавую дорожку, полз к пулемету. Расчет погиб, пулемет валялся на боку, из него, словно глиста, струилась отстрелянная лента. Но в жестяной коробке еще что-то оставалось. Боец взгромоздился на колени, рывком перевернул пулемет – и открыл огонь в тот момент, когда немецкая пехота была уже рядом. Солдаты бежали с примкнутыми к карабинам штыками, дружно орали.

Пулеметчик повалил человек восемь, потом сам свернулся, стал истекать кровью. Кричал, махал руками молодой несмышленный политрук, призывал бойцов в контратаку. Поднялись все, кто уцелел на переднем крае, бросились врукопашную. Но сил было мало, немцы взяли численным перевесом.

Танки входили в город. Бились смертным боем, кровь текла рекой. Рота капитана Быстрова почти сплошь была укомплектована добровольцами. Энтузиазма хватало, но боевой опыт отсутствовал.

Противник обходил с левого фланга, но залег, встретив плотный огонь из «ППШ». В рукопашной красноармейцы не блистали, умирали много и мучительно.

– Отходим! – кричали выжившие командиры.

Рота Быстрова полегла почти полностью. В живых осталось десятка полтора – оборванные, окровавленные, многие потеряли шапки, кто-то даже сапог. Они бежали в тыл под прикрытием пулемета, растекались по участкам частного сектора.

Встали танки, залегла пехота, улица Островского подверглась новому минометному обстрелу. Дорога превратилась в вереницу воронок и кровавых луж. На соседней улице еще

держались, там стоял невероятный грохот, в дыму перебегали фигурки солдат в длинных шинелях.

Танк перевалил через наспех вырытый окоп, полз к плетню. Доски и брусья встали дыбом, когда он наехал на преграду. Разбилось окно в избе, красноармеец выбросил противотанковую гранату. Она взорвалась под гусеницей – трак уцелел, хотя и стал искореженным. Танк сменил направление, стал, как бык, бодать избу. Он подмял под себя крыльцо, выдал стволем входную дверь, продолжал наезжать. Избушка затрещала, посыпались бревна. Машина, окутанная дымом, въехала внутрь, ломая перегородки между стенами. Затрещали стропила, стала проседать и распадаться крыша, накрыла танк. Но с обратной стороны он не выехал – прогремел еще один взрыв, разлетелись ошметки деревянных конструкций. Дым повалил такой, словно там сожгли гору резиновых покрышек...

Остатки роты Быстрова пытались удержать рубеж. Пятнадцать бойцов засели за баррикадой из металлолома. Сам Быстров, крепко контуженный, шатался, держась за голову. Его пытались утащить за баррикаду, но вражеская пуля опередила, и капитан скатился на землю.

Немцы крались вдоль заборов, осторожно перебегали. Заработал пулемет «МГ-34», установленный в начале улицы. Он крошил ржавое железо, падали красноармейцы, прильнувшие к баррикаде, – отваливались один за другим, обливались кровью. Выжившие побежали по улице в сторону центра, но только двум или трем удалось спастись от губительного огня...

Улица была свободна, солдаты противника выбежали на дорогу, устремились к центру. Их собралось не меньше пяти десятков. С окраины подходили танки. Момент создавался опасный – еще минута, и немцы могли прорваться.

Фланговая атака резервной роты капитана Лядова была стремительной и внезапной! Со второго этажа потрепанного здания открыл огонь «максим». В тылу немцев загрохотали взрывы – специально снаряженное отделение забрасывало гранатами танки. Из переулков, выходящих на дорогу, с громовым «ура!» посыпались красноармейцы, бросились на фашистов.

Немцы оторопели. Расклад был явно не в их пользу. Да и взбешенные русские солдаты – явление не для слабонервных! Толпа набросилась на врага, смяла, растерзала. Уцелевшие пустились наутек.

Вырвался вперед капитан Мошляк собственной персоной – нездорово возбужденный, в расстегнутом полушубке, он тоже кричал, размахивал пистолетом, стрелял вдогонку убегающим гитлеровцам. Его обгоняли здоровые длинноногие бойцы – волна катилась по улице. К деморализованным немецким пехотинцам подтянулось подкрепление, но оно уже не могло переломить ситуацию. Наши пулеметчики расстреливали пехоту в упор, отбрасывая ее за горящие танки.

Это была пусть маленькая, но – победа. Она досталась колоссальной ценой, и радость была недолгой. Проезжая часть была завалена телами своих и чужих солдат. Красноармейцы занимали опустевшие окопы, подтаскивали пулеметы и противотанковые ружья. Снова повалил снег. Погода словно издевалась! На улице Ленина все еще шел бой.

– Лядов, держите эту улицу! – прохрипел Мошляк. – Занять оборону, врага не подпускать! Один взвод отправить на улицу Ленина, пусть помогут хлопцам! Если там прорвутся, то нам всем каюк... Шубин, мать вашу, а вы что тут делаете?! – взревел майор. – Я кому сказал, сидеть в резерве!

– Виноват, товарищ майор, – насупился Глеб. – Ну, в угол поставьте. Или под трибунал отдайте. Наши тут гибнут, а мы сидеть должны и чай пить?

– Именно! – взревел майор. – Без тебя справятся! Уводи своих людей к чертовой матери! Находиться при штабе!

Так всегда кажется – без тебя не справятся! Именно без тебя, поскольку твое участие – тот переломный момент, что отделяет поражение от победы. Кто они все без тебя? Ноль без палочки!

Разведчики неохотно выходили на дорогу, строились. На севере снова разгорелась перестрелка, бойцы отворачивались, смотрели под ноги. Приказ майора никому не нравился, пусть в нем и был смысл. Да хоть два смысла!

Взвод потащился в город. Обернулся ефрейтор Гончар, глухо выругался. Недосчитались рядового Червигу, уроженца украинской Полтавы, – подставился боец под шальную пулю. Бледное лицо накрыли шапкой, тело оставили вместе с остальными – прибудет похоронная команда, увезет. Не хоронить же товарища отдельно от других.

За спиной разгорелся бой, немцы снова полезли. Танки отошли к лесу, пехота залегла в поле, позиции сводного отряда подверглись массированному минометному обстрелу. Люди прятались, прикрывались телами убитых, каждую минуту кто-то умирал или получал тяжелое ранение. Это безумие продолжалось уже несколько часов. Пехота шла на штурм, откатывалась. Снова шла как ни в чем не бывало. Таяли силы защитников города. Все труднее становилось доставлять раненых в тыл. Погибли четверо санитаров из восьми.

В какой-то момент защитники дрогнули, стали отходить. На улице Ленина происходило то же самое. Майор Мошляк отправил гонцов с приказом: отойти на пару кварталов и закрепиться. Особое внимание уделять флангам. Боеприпасы подходили к концу, но батальон держался. В минуты затишья собирали боеприпасы у мертвых.

Сидеть на месте было невыносимо. Звуки боя приближались. Снова двинулись танки, но далеко не прошли. Две машины подбили гранатами, они перекрыли проход остальным. Немцы пытались зацепить поврежденную технику тросом, но это закончилось лишь бессмысленными потерями. Пехоту отсекли автоматным огнем.

В какой-то момент в штаб нагрянул Мошляк, дико уставший, но возбужденный.

– Пока еще держимся, лейтенант... Все командиры рот выбыли из строя, представляешь? Быстров, Лядов, Репнин... Кружилин жив, но ему чуть руку не оторвало... Политруков тоже повыбило... И почему мы с тобой еще живы, не знаешь?

– Так в тылу не умирают, – буркнул Глеб.

– Есть работа для твоих героев, – порадовал комбат. – Высылай дозоры во фланги – за пределы городской черты. Кожей чувствую – немцы в обход пойдут. Не могут взять в лоб, обязательно хитрить начнут. А если прорвутся на фланге, то нам определенно хана. Скоро вечер, пора подумать, как дальше жить будем. Продержались несколько часов – и то хлеб. Уяснил задачу?

Западные окраины внушали беспокойство, особенно улица Первомайская, застроенная двухэтажными бараками. Местность за городом была безбожно изрезана, там можно незаметно подвести хоть стадо слонов.

Пока бездельничали, хозяйственный Уткин, до войны трудившийся завгаром, навел гараж местного исполкома, где нашел вполне пригодные пикап «ГАЗ-4» и полуторку с отвалившимся бортом. Топливо в баках отсутствовало, но нашлись канистры с бензином, и горючее быстро залили в баки. Заводить автотранспорт пришлось без ключей, но Уткин и тут справился. Еще и посмеивался – мол, живы будем, покажу вам еще пару-тройку трюков.

Трех человек Шубин отправил на восток, где за городом простирались бескрайние поля и практически не было дорог. Трое покатали на Первомайскую.

Бой утих, немцы приходили в себя после взятия очередного квартала, подтягивали последние резервы.

Отправленный на Первомайскую грузовик вернулся через тридцать минут, в машине находился один Небольсин, бывший автослесарь из Вязьмы.

– Товарищ лейтенант! – Он лихо затормозил перед штабом, высунулся из кабины. – Немцы, похоже, с запада обходят – возятся в оврагах! Точно не уверены, но решили доложить! Наши на месте остались, следят за ними, а я – сюда! Не опоздать бы, товарищ лейтенант, вдруг ударят?

Шубин почувствовал каждой клеточкой – что-то не так! Троих нет, они на другой стороне городка, ну и ладно. Двадцать человек – тоже сила! С командой не тянул: «Всем грузиться в машину!» Бойцы набились, как патроны в обойму. Уткин тащил ручной пулемет Дегтярева – добыл же где-то, хозяйственный человек! Прибежал оставшийся при штабе лейтенант Сафонов, и Шубин перед посадкой в машину описал ему создавшуюся ситуацию. Он будет действовать по обстановке, но на всякий случай надо готовиться к худшему. Немедленно поставить в известность майора Мошляка!

Грузовик трясся по заснеженным городским дорогам. Клин вымер, навстречу не попалось ни одного прохожего. Даже собаки бегали с поджатыми хвостами. Мирное население отсиживалось в подвалах.

Улица Первомайская завершалась строениями пожарной части и рослой тренировочной вышкой. Через дорогу находилось футбольное поле. Трибуны едва просматривались под снежными завалами. Машину бросили у входа в пожарку, дальше побежали, растянувшись в колонну. Мостик через мусорную канаву, узкий переулочек, заброшенные производственные помещения. Далее – кусты, овраги...

– Ложись... – прошипел Небольсин, жестикулируя обеими руками. – Вон за тем сараем, товарищ лейтенант...

За сараем вниз простирался склон. Он сужался, переходя в глубокий овраг. Трещина в земле извивалась, вела неизвестно куда. Местность была неровной – холмы, перелески. На западе виднелись крыши пригородного поселка. Подступали сумерки. Дно оврага было завалено глиняными валунами, они взбирались на склон, опоясывали старый дощатый амбар.

– Пока тихо, товарищ лейтенант... – прошептал, подползая, Левашов. – Мы видели людей вон за тем холмом и подняли тревогу. Далеко, не видно ни черта... А пару минут назад за холмами двигатели работали, Димка Кончак говорит, что это автомобильные моторы... Там можно незаметно подъехать, лесок прикрывает...

– Что же они сразу не подъехали? – засомневался Глеб.

– Да бес их знает, товарищ лейтенант. Полагали, что в лоб возьмут город, да вот не получилось. Пока знакомились с особенностями рельефа, возможно, привлекли кого-то из местных в том поселке – вот время и прошло... Вы представляете, сколько пехоты можно здесь безнаказанно переправить? Перекроют центральную дорогу, зажмут нас в капкан... А вдруг они уже здесь? Полезут сейчас, обратно не утрамбуешь...

Становилось действительно тревожно. Техника оврагом не пройдет, но пехота – без усилий. Тогда уже никто не выживет...

– Кулагин, берите двух человек и пулей вниз, – приказал Глеб. – Осмотреть овраг. Появятся немцы – мухой обратно, в бой не вступать.

Сержант Кулагин был парнем понятливым: намотал на ус, кивнул. Сумерки уже укладывались на землю. Трое побежали вниз, петляя между валунами. С городской окраины доносились рваные выстрелы – бои принимали позиционный характер.

«Не к добру, – подумал Шубин, – ждут, пока эти черти к нам в тыл проберутся...»

Он дал команду рассредоточиться. Маскхалаты почернели от грязи, но все же оставались условно белыми. Отряд распозался за укрытия, готовил оружие. Уткин установил между валунами пулемет, лежал, напевая под нос, при этом сильно фальшивил.

Мелькнула смешная мысль: «А вдруг почудилось: никого там нет и никакие моторы не гудели? Пусто в овраге, только время зря потеряли, могли с пользой употребить в другом месте».

Подчиненные Кулагина вернулись через пару минут. Так быстро бы не пришли, будь все в порядке! Нервы натянулись.

Разведчики бежали вверх по склону, яростно семафорили. Подбежали, перебрались за укрытия, Кулагин доложил сдавленным шепотом:

– Немцев полный овраг, товарищ лейтенант... Как чертей в аду, право слово... Через камни перелезают, сюда идут, под ноги смотрят, потому и нас не заметили... Только пехота – с автоматами и карабинами... Вовремя мы сюда подошли, товарищ лейтенант...

– Приготовиться, – скомандовал Глеб, – гранаты к бою. Без команды не стрелять. Подпустим их ближе, потом положим всю камарилью...

– Ну, все, гуляй, колхоз, – ухмыльнулся Уткин и припал к прицелу пулемета.

Немцы спешили – выбирались из полумрака, как из потустороннего мира. Тяжелое дыхание вырывалось с паром. Солдаты карабкались на склон, огибали валуны. Задние напирали на передних, дышали сослуживцам в затылок. Их было не меньше роты...

Дальше все смешалось в тесном пространстве. «Колхоз» гулял на всю катушку! Дружно застрочили автоматы, забился в судорогах «РПД». Полетели гранаты в толпу.

Такого приема немцы не ожидали. И в первое же мгновение, пока не пришли в себя, потеряли десяток бойцов. Их буквально смело напором огня. Остальные бросились вперед, но напрасно. Промазать на узком участке было невозможно: свинец летел обильно, раненых практически не было.

Немцы валились гроздьями, не успевая открыть ответный огонь. Самые сообразительные нырнули за камни, остальные метались, падали, наспигованные пулями. Задние стали отступать, прятались за изгибом оврага. Спуск очень быстро опустел, на виду остались лишь мертвые.

Но за камнями прятались живые, постреливали из карабинов. Наши бросали гранаты, чтобы их как-то успокоить. Ругался в невидимой зоне офицер: «Вперед, солдаты, во славу фюрера и рейха!»

Вторая атака захлебнулась, как и первая. Немцы убрались восвояси, потеряв еще несколько человек. Гранаты пока не кончились – красноармейцы выбрасывали их на склон, они катились, взрывались там, где царил вечерний мрак.

«Могут верхом пойти, – мелькнула не очень приятная мысль, – наверху тоже хватает укрытий».

– Боровкин!

– Я! – выкрикнул юный (даже слишком) разведчик.

– Машиной управлять умеешь?

– Так точно!

– Дуй к нашим, доложи майору Мошляку! Пусть принимает решение! Людей надо выводить из города! Нас все равно дождут, и мы окажемся в котле! Доложишь, и на машине обратно, нас заберешь! Выполнять, Боровкин!

– Да ему только детскими машинками управлять! – засмеялся Вербин.

– А ты не бойся за него, – закричал степенный Таманцев, бывший научный сотрудник госметеослужбы (между делом успевший отличиться на Халхин-Голе), – Боровкин хоть и мал, да удал. Может и с детскими машинками поиграть, может и со взрослыми. Он не хуже нас с тобой в этом разбирается...

– А ты, Таманцев, шефство взял над ребенком? – не понял Вербин.

Закончить пикировку не дали солдаты вермахта. «Великая Германия» оказалась все же превыше ничтожных жизней. Они опять пошли на приступ: бежали вверх, паля из карабинов, ругались на своем вороньем языке.

Снова надрывался «РПД», частили пистолеты-пулеметы. Солдаты безропотно шли на смерть – они устали настолько, что отбытие в мир иной уже не казалось трагедией. Пули рвали шинели, сбивали каски с зачумленных голов. Кто-то залег за мертвыми телами, остальные покатались обратно. Двое или трое нырнули за валуны.

Памятуя, как неплохо было в прошлый раз, красноармеец Никонов привстал на колене, вырвал чеку гранаты. Но только успел замахнуться, как прозвучал выстрел. Боец повалился

с простреленной грудью, граната упала за спину. Ахнул Кончак, схватил гранату, швырнул вниз за мгновение до взрыва – а вот о своей жизни не позаботился: еще один меткий выстрел поразил его в голову; красноармеец умер мгновенно, даже не осознав, что спас кучу народа.

Ревел благим матом Уткин, опорочил диск. Кончились патроны, со злостью отбросил пулемет, схватил «ППШ». Надрывались автомобильные двигатели, из-за холма показались две громоздкие машины, медленно приближались, переваливаясь через покатые канавы. Дальше местность стала сложнее, пришлось остановиться. Из кузова попрыгали солдаты, залегали. Но и в овраге оставался неприятель, вел огонь из темноты. Тактика вермахта внушала уважение: выражаясь по-русски, не мытьем, так катаньем.

Усилилось беспокойство. Разведчики несли потери, пока еще умеренные, но что будет дальше? Часть немцев пошла в обход, стрелять по ним было бесполезно – слишком далеко. Сумерки сгущались. Противник подбирался ближе, все громче хлопали карабины. Шубин нервничал. Умирать героически было не за что – ради того, чтобы задержать противника на несколько минут?

Сержант Кулагин сменил позицию – и крайне неудачно. Пуля попала в бок. К нему подполз Бакланов – парень до войны окончил медицинское училище, мечтал поступить в медицинский институт, стать знаменитым военным хирургом, но война решила иначе. Он перевернул сержанта, тот задыхался, схватил товарища за руку... и вдруг застыл, рука безвольно упала на землю.

– Мертвый, – констатировал Бакланов и со злостью сплюнул.

Подставлялись не только ополченцы, но и люди с боевым опытом.

– Товарищ лейтенант, что делать будем? – крикнул сержант Лазаренко. – В контратаку двинем?

– Я сейчас по башке кому-то двину, – проворчал Шубин. – Всем лежать, вести огонь, сдерживать неприятеля! Немцы видят, что нас много, нахрапом не полезут!

Огонь из всех стволов вынудил неприятеля отойти. Но угроза попасть в окружение становилась все очевиднее. Фигуры перемещались в темнеющем воздухе – явно шли на охват. Их сдерживали как могли. Потом откуда ни возьмись выскочил красноармеец Боровкин – примчался, тяжело дыша, остаток пути катился, как полено.

– Это я, товарищ лейтенант, – сообщил он свистящим шепотом, – доехал, как вы приказали, доложил товарищу майору. Он выводит людей из боя, все наши отступают по улице Ленина – на выход из города. Просил не задерживаться, но по возможности придержать неприятеля. В распоряжении комбата только две машины, на них вывозят раненых. Остальные – своим ходом... Вы тут еще надолго, товарищ лейтенант?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.